

АННА ЩЕТИНИНА

ОТ ДОРОДНЫЙ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ К ДОРОДНАЯ ТЕТКА: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ

COBISS: 1.01

Od dorodnyj dobryj molodec do dorodnaja tetka: sociokulturno preoblikovanje pomena v ruščini

Avtorica obravnava vprašanje slovarskega opisa jezikovnih enot s stališča celostne obravnave. Primer parametričnega pridevnika *dorodnyj* 'debel, močan', ki označuje postavo človeka, kaže, kako se predstava telesne lastnosti razlikuje v različnih časih in v različnih diskurzih – v slovarjih ruskega jezika od 11. do 21. stoletja ter v pesniških, proznih, časopisnih in narečnih sobesedilih.

Ključne besede: slovaropisje, socialno besedje, socialni semi, izjava, predpostavka

From dorodnyy dobryy molodets to dorodnaya tetka:

The Socio-Cultural Transformation of Meaning in Russian

This article considers the lexicographical description of language units from the positions of the integral approach. Based on the parametric adjective *dorodnyy* 'burly', which characterizes the figure of a man, it shows how the perception of corporal quality differs in various historical periods and discourses: in Russian dictionaries from the eleventh to the twenty-first centuries, and in poetry, prose, newspapers, and dialects.

Keywords: lexicography, social lexis, social semes, assertion, presupposition

0 ВВЕДЕНИЕ

Лексикографирование языковых фактов имеет давнюю традицию, выработаны основные подходы и принципы фиксирования языковых единиц, что, однако, не отрицает необходимости нахождения новых подходов к описанию языковых явлений. Так, «общепризнанное молчаливое согласие лингвистов в том, что значения языковых единиц состоят из семантических компонентов – сем, не находит последовательного воплощения в практике подготовки лексикографических изданий, прежде всего – толковых и толково-переводных словарей» (Маклакова 2013: 4). Как известно, изучение языковых номинаций в прагматическом аспекте выявляет новые семы и коннотации, не включенные в лексикографическое описание, поэтому требует интегрального подхода к описанию значения слова. Г. Н. Склярёвская в связи с этим говорит, что слово не является ограниченным набором сем,

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

а представляется «как бесконечно сложная и избыточная структура, включающая в себя не только понятийное содержание, но и прагматическую информацию о слове – весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, всех добавочных смыслов, называемых коннотациями» (Скляревская 2001: 182). Более того, лингвисты признают, что существуют категории слов, структура значения которых отличается концентрацией значимых семантических компонентов в той зоне, которую принято считать периферией (Крысин 1988), то есть в зоне коннотаций. Такова, например, социальная лексика (Леонтьева 2016).

В данной статье предпринято описание семантики прилагательного *дородный*, ее отражения в лексикографических источниках, а также употребления в речи в разные периоды бытования и в разных сферах использования языка с позиции интегративного подхода к описанию семантики слова, который включает «в понятие значения все семантические признаки, выявляющиеся в слове – как структурно релевантные, так и структурно избыточные, но коммуникативно релевантные» (Стернин 1985: 11). Не останавливаясь на освещении типологии сем, отметим, что в данной работе мы используем в процессе анализа уже принятые в семасиологии и используемые, в том числе при семантическом анализе синтаксических структур (Апресян 1988; Крысин 1988; Логический ... 2009; Падучева 2013 и др.), понятия ассерция и пресуппозиция и релевантные им термины ассертивная сема / пресуппозиционная сема, ассертивная часть значения / пресуппозиционная часть значения и т. п.

Цель работы – проследить, какие семы в разных лексикографических источниках включаются в ассертивную и пресуппозиционную части значения, как они актуализируются в литературно-художественном, диалектном и газетном дискурсах, какие дополнительные коннотации, в том числе социальная, появляются в контекстах и могут ли они интегрироваться в значение слова, закрепленное в лексикографическом источнике.

1 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ *дородный* В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Анализ прилагательного *дородный* и его производных в диахроническом аспекте показывает, что слово имело довольно большое количество лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) и служило не только для объективной характеристики внешности человека, но и для указания на его морально-нравственные качества в ассертивной (ядерной) части значения и имело дополнительную социальную оценочность как в ассертивной, так в пресуппозиционной (периферийной) частях. В «Этимологическом словаре славянских языков» указывается, что прилагательное образовано с суф. *-ьнь* и приставкой *do-* от *rod* и *roditi* (ЭССЯ 1978: 79); к данному гнезду относят польск. *dorodny* ‘здоровый, красивый, видный; зрелый’, др.-русс.

дородньи (Государь наш дородной государь, и разумной, и счастливой ...), русск. *дородный* 'полный телом; крупного, плотного сложения', диал. *дородной* 'способный, усердный' и др. (ЭССЯ 1978: 78).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв. 1977) данное прилагательное имеет в ассерции четыре значения.

В первом значении *дородный* характеризует телосложение человека: Высокого роста и плотного телосложения, красивый, видный (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325). При этом ассертивная сема, характеризующая рост и телосложение, дополняется семами 'красивый', 'видный', добавляющими к объективной характеристике внешности оценочное значение. Кроме того, приведенные в словарной статье примеры добавляют в пресуппозиционную часть социальную оценку: *Царь его пожаловал ... для того, что собою дородень и просуж всѣмъ к дѣлу ратному* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325) – в данном контексте характеристика «дородного» свидетельствует о способности к службе («к дѣлу ратному»). Во втором примере к тому же значению: *А будет королевнина племянница дородна и того великого дѣла [брака с царем] достойна...* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325) – характеристика *королевниной племянницы* «дородна» свидетельствует о том, что она достойна *брака с царем*, таким образом в иллюстративном материале (семантической пресуппозиции) также появляется социальная оценка человека.

Возможно, именно социальный компонент, присутствующий в пресуппозиционной части первого ЛСВ, является семантическим источником для второго ЛСВ, характеризующего морально-нравственные качества человека: Доблестный, мужественный, благородный. *Я никогда такихъ дородныхъ и честныхъ людей не видалъ есмь* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325). Такая оценка морально-нравственных качеств человека, безусловно, формируется с позиций общественного мнения, поскольку *мужество, доблесть и благородство* проявляются в общественно значимых деяниях.

Третье значение: Сильный, могущественный. *Великие государства и имя великихъ государей славится и въ забыть не приходитъ и разишряетца дородными государи, и благоразумными и разсудными* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325) также может быть мотивировано первым значением. Кроме того, очевиден социальный компонент значения, поскольку и в ассертивной и в пресуппозиционной частях явно ощущается связь с государственными, родовитыми, социально значимыми людьми.

Очевидно, что все ЛСВ содержат положительную характеристику человека, поэтому четвертый ЛСВ «Хороший» (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325), характеризующий действия (*Говориль ..., чтобъ ему дородной славы своей не потерять*), поступки человека (*Он дѣлаетъ дородно, что тебя держитъ у себя*), взаимоотношения с другими людьми (*Дородна сласть, четыре ноги вмѣсто скласть*), тоже позитивно-оценочный.

В этом же словаре приводятся два производных, мотивированных значениями прилагательного *дородный*. В существительном *дородство* первые три значения мотивированы значениями исходного прилагательного, поэтому сохраняют как характеристики телосложения человека, сопровождающиеся социальной оценочностью, так и собственно социальные оценки человека, но в четвертом ЛСВ у существительного *дородство* появляется новое значение «Достоинство, значимость», которое указывает на вес человека в обществе: *Бояр же и вельмож и всѣх воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоит по отчеству и по дородству* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325).

Кроме того, качество *дородного* связано с глаголом *дородиться*, в семантике которого в первом ЛСВ актуализируется социальный компонент значения: Сравняться с кем-либо достоинствами или благородным происхождением. *Хотя б мы людеи не дородились да были бы мы богатыри недобрыя* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 324) – социальное положение, происхождение; во втором – Иметь хорошие природные данные. *А умом он и ростом дародился* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 324) – положительная оценка внешних данных; в третьем – Обладать необходимыми для чего-л. способностями. *А воевод государь прибирает, разсуждая их отчество, и хто того дородится, хто может ратной обычаи содержать* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 324) – положительная оценка способностей к какой-либо деятельности.

Таким образом, лексико-семантические связи прилагательного *дородный* и его производных в СРЯ XI–XVII вв. в большей мере связаны с социальностью человека, нежели с объективной характеристикой его телосложения, и даже семы ‘красивый’, ‘видный’, ‘хорошие природные данные’ добавляют значение внешней оценки. При этом, видимо, *дородный* человек, живший в XI–XVII веках, априори наделялся высокими морально-нравственными качествами и, соответственно, способностью к проявлению мужества, благородства и других подобных качеств.

В «Словаре русского языка XVIII вв.» (СлРЯ XVIII вв. 1981) прилагательные *дородный* и *дородливый* имеют значение «рослый и полный (о человеке): *Евстафии быв человек дюжии и дородныи, нападе на Иванчу [Пантелей:] Дѣвица изрядная, и собою добра; великая, дородная, и как кровь с молоком. Жирный, дородливый*» (СлРЯ XVIII вв. 1981: 221). Лексеммы утрачивают социальный компонент, сохраняя отношение к человеку и его частям тела с позитивной окраской. Данные прилагательные мотивируют образование производных существительных *дорóдность* и *дорóдливость*, глаголов *дороднѣть* и *дородничать* с общей семантикой характеристики телесного, например: *⟨Мясники и повара⟩ почти всегда до излишества дороднѣют и толстѣют* (СлРЯ XVIII вв. 1981: 221).

Утрата социального компонента значения прилагательного *дородный* и его производных наблюдается и в других лексикографических источниках, например, в словаре Григория Дьяченко (Дьяченко 1900: 151), в толковом

словаре живого великорусского языка В. И. Даля 1880–1882 годов (Даль 1978: 474).

В словарях русского языка, изданных в XX веке, наблюдается та же тенденция к сохранению одного значения прилагательного *дородный*, связанного с качеством телесного. Если унифицировать данное значение по материалам современных словарей (БТСРЯ 1998; Ушаков 1935; Ожегов – Шведова 2003; СлРЯ 1999 и др.), то ассертивную часть значения *дородного* можно представить так: *рослый, крупный, полный человек*, – то есть исключительно как объективную характеристику телосложения человека. Однако в контекстах к словарной статье (которые мы рассматриваем как пресуппозиционную часть значения) можно выделить социальный компонент, отсутствующий в ассертивной зоне, поскольку сочетаемость данного прилагательного в примерах связана преимущественно с социальным статусом или иной социальной характеристикой человека: *Дородный широкоплечий боярин. Купец отличался статью и дородностью* (Ушаков 1935: 775).

В словарях современного русского языка непроизводное прилагательное *дородный* образует только два деривата: *дородность*: Свойство по значению прилагательного *дородный*; *дородство* (СлРЯ 1999, 1: 433) и *дородство*, которое в первом значении представлено как параметрическая характеристика «плотное и крупное телосложение; полнота», а во втором как «устар. Доблесть, мужество» (СлРЯ 1999, 1: 433).

Таким образом, только в одном значении (устаревшем) сохраняется связь с морально-нравственной характеристикой человека, в остальных – признак в ассертивной зоне связан только с качеством телесного. Однако в контексте актуализируются новые оценочные и социальные компоненты, что свидетельствует о важности анализа пресуппозиционной части значения слова для полного представления о единице номинации.

2 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОРОДНОМ В ТРАДИЦИОННОМ КРЕСТЬЯНСКОМ СОЦИУМЕ

В обыденном сознании параметрические характеристики внешности человека являются основанием для прагматических и эстетических оценок (см. об этом: Богуславский 1994; Мазалова 2001; Кабакова 2001; 2012 и др.). Ниже на материалах диалектных словарей рассмотрим, как оценивается *дородный* человек в традиционном крестьянском социуме.

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ 1972) в значении прилагательного *дородный* только первые два ЛСВ связаны с характеристикой человека: первый – внешности: Хороший, красивый, видный. *Не коря, я покорила, не склоняя, я поклонилась перед дородным добрым молодцем* (СРНГ 1972: 134); второй – внутренних качеств: Способный, усердный. *И рожей-то больно баска, да и к робенью дородна* (СРНГ 1972: 134). При этом

в ассертивной части первого значения нет сем, связанных непосредственно с телосложением человека, а только с общим впечатлением, которое он производит, хотя, исходя из контекста, можно предположить, что «дородным добрым молодцем» называют человека крепкого телосложения, то есть потенциальные семы находятся в пресуппозиции.

В этом же словаре представлена лексема **дородный**: Дородный, красивый, видный, мужественный. *Есть ли удалый дородный добрый молодец, сослужил бы мне службу великую сходить во славу золоту орду?* (СРНГ 1972: 133). Она дублирует семы первого ЛСВ слова *дородный* и включает новую сему в ассертивной части «мужественный», которая выводит значение на новый уровень социально-психологической характеристики человека.

Сема характеристики телосложения появляется в номинациях человека: **дородень** «Рослый, полный, здоровый мужчина»; **дородничек** «Ласк. Полный, красивый юноша. *Там или, прошли да три молодца да три молодца три дородничка*»; **дородница** «Полная, красивая девушка или женщина. *Да сама дородница, красивая, как намалевана*»; **дородушка** «То же, что дородница. *У нас на улице на широкой-то, у нас дородушка Натальюшка, корогонница Федоровна*» (СРНГ 1972: 133–134).

Производные существительные **дородинство**, **дородствие**, **дородчество** имеют общую и единственную сему ‘дородность’, которая, судя по контексту (в словаре лексемы «дородность» нет), связана с характеристикой внешности человека: «*Красные то девки ведь стекла рвут, смотрючись да на Чурилково на красоту, на его ли дороднее дородинство*» (СРНГ 1972: 133).

Интересно, что СРНГ дает определения и контексты из речи людей XIX – начала XX века, и в значениях есть сема ‘мужественность’, которая утрачивается во многих репрезентациях слова в более поздних словарях, фиксирующих преимущественно словоупотребления людей середины XX века. Например, в «Словаре говоров Русского Севера» (СГРС 2005), основанного на материалах, собранных в 1961–2000 годах, представлены прилагательные *дородный* и *дородний*, которые включают семы ‘здоровый’, ‘сильный’, ‘физически крепкий’, напрямую не характеризующие телосложение человека, но подразумевающие крепкое телосложение, при этом данные семы и контексты связывают характеристики здоровья и физической силы со способностью к работе: *Чё, Наталья-то дородна, не болеет ичас? Дородные люди так на чунках картошку возят, а мы так таскаем* (СГРС 2005, 3: 256), а не со способностью к сильным нравственным поступкам.

Приведем еще несколько примеров. В «Словаре Вологодских говоров» (СВГ 1985) **дородный** в первом значении «Хороший, красивый, видный. *Жёних-то у моей доцки шибко дородной*» (СВГ 1985, 3: 48) характеризует внешность человека (‘красивый, видный’) и его общую оценку (‘хороший’), остальные ЛСВ не связаны с характеристикой человека. «Словарь Архангельских говоров» (АОС 2004) дает 10 ЛСВ прилагательного **дородной**, из

них 2 ЛСВ «Здоровый, полный сил, крепкий», 3 ЛСВ «Упитанный, полный, плотный», 5 ЛСВ «Большой по размерам, крупный. [...] О человеке, животных, предметах» и 9 ЛСВ «Красивый, привлекательный», а также фразеологизм *дородная обакша* «О толстом человеке. *Которой толстомордой, о, говоря, дородна обакша!*» (АОС 2004: 42) так или иначе связаны с характеристикой внешности человека; здесь появляются ЛСВ, характеризующие социальное положение «6. Богатый, хорошо обеспеченный» и психологические особенности «10. Независимый, самодостаточный» (АОС 2004: 42).

Таким образом, анализ репрезентаций характеристики дородного человека в диалектных словарях показал, что, во-первых, слово представлено в разных говорах, что свидетельствует о важности номинации данной характеристики; во-вторых, слово мотивирует образование производных существительных, называющих человека по признаку телосложения; в-третьих, в большинстве номинаций качество дородного связано с семами красоты, внешней привлекательности, которые содержатся в ассертивной зоне значения, следовательно, носитель такой характеристики положительно оценивается в обществе, и лишь в некоторых случаях очевидно восприятие дородного как толстого, не очень приятного человека; в-четвертых, наблюдается снижение значимости социального компонента значения, связывающего семы 'полноты', 'красоты' с 'мужественностью' мужчины. В данной работе мы ограничились анализом словарных материалов. Безусловно, интересно исследовать представления о дородном на материале более широкого круга источников, например, образцы его употребления в фольклорных текстах (поговорках, заговорах, частушках и др.), что представляется перспективой исследования, касающейся также вопросов актуализации социального в других характеристиках внешнего облика человека.

3 ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОРОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Выше была описана репрезентация прилагательного дородный и его производных в лексикографических источниках, фиксирующих данную номинацию в период с XI по XX века в литературном языке и народных говорах. В следующей части работы мы рассмотрим примеры употребления этого слова и его производных, извлеченных из литературного, диалектного и газетного дискурсов, в разные периоды их бытования в соотношении со значениями, представленными в лексикографических источниках. Таким образом мы определим, изменяется ли представление о дородном человеке на протяжении времени.

Как было показано выше, в период с XI по XVII век дородный человек представлялся как человек *высокого роста, плотного телосложения, красивый, мужественный и благородный*, при этом очевидно, что дородность в части оценки внешнего вида априори воспринималась поло-

жительно и предполагала связь с довольно высоким статусом, человека, преимущественно мужчины. Об этом свидетельствует не только компонентный анализ семантики слова, но и изучение его контекстного окружения, например: *«Царь его пожаловал ... для того, что собою дородень и просуж всёмъ к дѣлу ратному»*; *«Дородство и храбрость Московскихъ ратныхъ людей»* и т. д.

В словарях, отражающих факты языка XVIII–XIX веков, представления о дородном человеке изменяются: сохраняются семы ‘рослый’, ‘полный’, ‘здоровый’ и т. п., сопровождающиеся семой с положительной коннотацией ‘красивый’, ‘видный’, но утрачиваются семы ‘мужество’, ‘благородство’, связывающие внешний вид человека с его нравственными качествами и общественным статусом, о чем свидетельствуют и контексты в словарных статьях, например: *«Дородствомъ бы взять, да рыломъ не вышель (здоровъ, да некрасивъ)»*; *«человѣкъ дюжи и дородныи»* и т. д.

Анализ поэтического дискурса этого периода в целом подтвердил актуализацию семантики, связанной с характеристикой телосложения человека, причем как мужчины, так и женщины в равной мере, что раньше проявлялось реже, качеством дородного наделялся, как правило, мужчина. Например: *«Не слон перед людьми ступает горделиво – валит по улице дородный Митрофан»* (НКРЯ: Е. Милькеев, Рекрут, 1842); *«Мать дородная в шубейке Важно в розвальнях сидит, Дочка рядом, в душегрейке, Слово маков цвет горит»* (НКРЯ: П. Вяземский, Масленица на чужой стороне, 1853) и т. д. Таким образом, в анализируемых поэтических контекстах актуализировалась ассертивная семантика телосложения. Интересно, что в половине примеров прозаического дискурса этого периода в контекстах также актуализируется семантика характеристики телосложения, однако преимущественно мужчины: только 4 вхождения из 39 связаны с характеристикой женщины, остальные – с характеристикой мужчин, например: *«Детина такой ражий, дородный ... что вы, молодцы!»* (НКРЯ: М. Н. Загоскин, Русские в начале восемнадцатого столетия, 1848) и т. д.

Однако анализ поэтических и прозаических контекстов показал, что в ряде случаев семантика телесного актуализируется в связи с указанием на социальный статус человека, главным образом мужчины (в прозе – только мужчины), например: *«Купец дородный с важною походкой ...»* (НКРЯ: И. Никитин, Тарас, 1855–1860); *«Дней давно минувших знатные вельможи – Полны и дородны, жир сквозит под кожей»* (НКРЯ: А. Майков, Старый хлам, 1856). Особенно активно социальный компонент актуализируется в прозе: из 39 контекстов в НКРЯ прилагательное *дородный* употребляется в 26 по отношению к мужчине, имеющему определенный статус (полковник, князь, боярин, чиновник и т. п.), например: *«Консул – это был высокий, дородный, смуглый мужчина с большими черными усами – лежал на лавке на войлоке, склонив голову на связку травы и держа в руках претолстую тетрадь»* (НКРЯ: В. Нарезный, Бурсак, 1822) и т. д. В большин-

стве проанализированных примеров сохраняется общая оценка дородного человека как *важного, значительного*: «*Наш государь, знаете, молодец собой, такой красивый, высокий, **дородный**, да и одет-то уж как ...*» (НКРЯ: Н. Полевой, Рассказы русского солдата, 1834) и т. д.

В поэтическом дискурсе XX века сохраняется тенденция к актуализации телесной семантики с ее положительной оценкой при употреблении характеристики *дородный* в отношении как мужчин, так и женщин, например: «*Пятеро больших, **дородных** Ходят чинно, благородно. Пять гармоник на плечах, Как цветы на киртичах!*» (НКРЯ: А. Прокофьев, Проводы в Красную армию, 1933); «*Бабуся моя, Как молодой была, **Дородной** была*» (НКРЯ: В. Хлебников, Старуха снова пришла, но другая ..., 1921) и т. д.

Однако в прозаическом дискурсе прилагательное *дородный* показывает сочетаемость с номинацией мужчин в 82 % контекстов. НКРЯ фиксирует 111 вхождений прилагательного *дородный* в основной корпус (литературная проза XX–XXI веков), из них 5 контекстов не связаны с характеристикой человека, 4 – связаны с характеристикой телосложения женщины, при этом актуализируются семы ‘полный’, ‘крепкий’: «*Установилась наконец полная тишина, вроде даже слышно стало, как в скирде осыпаются зёрна с колосьев и под **дородным** телом Любы, ломаясь, хрустит солома*» (НКРЯ: В. Астафьев, Обертон, 1995–1996) и др.

Остальные 102 вхождения показывают сочетаемость с номинацией мужчин. 20 из них характеризуют мужчину

- либо безотносительно к возрасту: «*Второв с удовлетворением увидел, как покрывается потом **дородный** Солодов*» (НКРЯ: С. Данилюк, Рублевая зона, 2004) и т. д.;
- либо в отношении немолодых или молодых (редко) мужчин: «*Сидевший рядом с нею **дородный** старик в тренировочном костюме ...*» (НКРЯ: А. Кабаков, Салон красоты, 1987) и т. д.

Большая часть вхождений (82) показывают связь характеристики *дородный* с указанием на социальный статус мужчины или национальность, в большинстве контекстов актуализируются семы ‘полный, крепкий + видный, значимый’, например: «***Нарком** вышел ко мне в пижаме, **дородный** такой*» (НКРЯ: Б. Холопов, Старицкие прелюды, 1999) и др.

Таким образом, анализ литературных контекстов показывает, что семантика прилагательного *дородный* богаче, нежели отражена в современных словарях, где значения отражают только объективные телесные характеристики. Всестороннее исследование пресуппозиционной зоны значения, в частности прагматической пресуппозиции, добавляет коннотативные компоненты, в том числе социальный, в семантику слова.

Важно отметить, что как в литературно-художественной речи, где *дородный человек* оценивается с точки зрения внешности и социальной

значимости практически всегда положительно, так и в речи представителей традиционного социума, где данная характеристика преимущественно позитивна, за исключением некоторых случаев, когда дородность связывается с неприятной толщиной («*дородная обакша*», «*жсона будед дородна с пива-то*» и др.), большая часть контекстов показывает положительную коннотацию исследуемой телесной характеристики.

Иную коннотацию характеристики *дородного человека* выявляет современный публицистический (газетный) дискурс начала XXI века. НКРЯ фиксирует 122 вхождения, из них 98 вхождений связаны с характеристикой внешности человека. Анализ контекстов показал, что можно выделить несколько видов сочетаемости прилагательного и его производных со значением характеристики телосложения человека:

- [1] характеристика телосложения молодого человека – 6 контекстов;
- [2] характеристика телосложения немолодого человека – 13 контекстов;
- [3] характеристика телосложения девушки – 8 контекстов;
- [4] характеристика телосложения немолодой женщины – 24 контекста;
- [5] характеристика телосложения с указанием на социальный статус, национальность и другие социальные характеристики – 47 контекстов.

Как показывает анализ выборки, почти половина контекстов (47,9 %) так или иначе включает социальную коннотацию, а не просто телесную характеристику, например: – *Да вы радуйтесь, что к вам никого не подделили!* – улыбнулась мне *дородная* проводница (НКРЯ: А. Мешков, Как я жил в цыганском таборе // Комсомольская правда, 2011.09.01); *На полуразрушенном рынке среди обугленных палаток дородные* узбечки настойчиво предлагают одеяла (НКРЯ: Головы надо прибирать, а не дома // Известия, 2006.09.13) и др. Кроме того, характеристика *дородного* включается в значительное количество контекстов с ироничной или даже саркастичной окраской: – *А я уже замужем!* – восклицает *дородная тетка*, торговка пирожками. – *За любимым человеком!* – уточняю я. – *За олигархом!* (НКРЯ: А. Мешков, Эй, Дед Мороз: ну-тка, кто поздравит проститутку? // Комсомольская правда, 2001.12.26) и т. д. Часть вхождений показывает сочетаемость с лексемами, имеющими просторечную окраску, *тетка*, *дядька*, *мужик*, *баба* и т. п.: *На оборудованные же для СМИ места проходили дородные дядьки* с упакованными в меха и бриллианты женами и упитанными чадами (НКРЯ: П. Садков и др., Обыграли генацвале, но в Европу не попали // Комсомольская правда, 2003.10.13) и т. д.

Итак, в газетном контексте по сравнению с литературно-художественным и диалектным происходят коннотативные изменения с сторону социальной оценочности с оттенком негативности, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что значение телесного, зафиксированное в современных словарях в ассертивной зоне значения исследуемой лексемы, недостаточно для объективного представления о характеристике *дородного человека*.

4 Выводы

Исследование показало, что в разные периоды истории в ассертивной зоне значения слова могут актуализироваться семы, которые по-разному репрезентируются в зависимости от дискурса. Кроме того, использование слова в разные периоды истории в различных дискурсах показывает актуализацию пресуппозиционных сем, которые в контекстах могут становиться доминирующими. Такое положение может затруднять понимание слова как носителя языка, так и иностранцами, изучающими русский язык.

Возможности традиционного лексикографирования ограничены объемом информации, которую способны вместить изданные типографским способом словари разных типов. В связи с этим словарные статьи включают преимущественно ассертивную часть значения и ограниченно пресуппозиционную. В результате зачастую словарная статья не дает полного представления о той или иной лексеме и ее репрезентации в разных дискурсах (чаще всего в качестве примеров приводятся литературные контексты, а газетный, устный, диалектный и др. остаются не охваченными). Современные информационные технологии позволяют создавать лексикографические источники разных типов, вмещающие практически неограниченный объем сведений. В связи с этим требуется разработка новых подходов к электронному лексикографированию. В частности, словарная статья электронного толкового словаря может включать сведения о происхождении слова, истории его употребления в разные периоды, репрезентации в различных дискурсах (литературном в разные периоды, газетном, а также недостаточно известных широкому кругу носителей языка диалектном, фольклорном и т. п.) и таким образом представлять исчерпывающую информацию о бытовании слова со времени его появления до настоящего времени, что может быть полезно как для носителей языка, так и для иностранцев, изучающих русский язык, а также будет полезно для исследователей, поскольку даст возможность получать саккумулированную в одном месте информацию о лексике русского языка.

Источники

- АОС 2004** = *Архангельский областной словарь* 12, под ред. О. Г. Гецовой, Москва: Изд-во Московского университета; Наука, 2004.
- БТСРЯ 1998** = С. А. Кузнецов, *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург: НОРИНТ, 1998 (<http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=дородный&all=x>).
- Даль 1978** = В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах* I, Москва: Русский язык, 1978.
- Дьяченко 1900** = Г. Дьяченко, *Полный церковно-славянский словарь со внесением въ него важнейшихъ древне-русскихъ словъ и выражений XXXVIII* (2), Москва: Типография Вильде, 1900.
- НКРЯ** = *Национальный корпус русского языка* (www.ruscorpora.ru).
- Ожегов – Шведова 2003** = С. И. Ожегов – Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003.

- СВГ 1985** = *Словарь вологодских говоров 3*, Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1985.
- СГРС 2005** = *Словарь говоров Русского Севера III*, под ред. А. К. Матвеева, Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005.
- СлРЯ XI–XVII вв. 1977** = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 4, гл. ред. С. Г. Бархударов и др., Москва: Наука, 1977.
- СлРЯ XVIII вв. 1981** = *Словаре русского языка XVIII века 6: Грызться – Древный*, гл. ред. С. Г. Бархударов и др., Ленинград: Наука, 1981.
- СлРЯ 1999** = *Словарь русского языка: в 4 томах*, под ред. А. П. Евгеньевой, Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999 (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma143307.htm>).
- СРНГ 1972** = *Словарь русских народных говоров 7*, гл. ред. Ф. П. Филин – Ф. П. Сороколетов – С. А. Мызников, Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1972.
- СЦсРЯ 1847** = *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 томах 1*, Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1847.
- ЭССЯ 1978** = *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд, в 35 томах 5*, под ред. О. Н. Трубачев, Москва: Наука, 1978.
- Ушаков 1935** = Г. О. Винокур, *Толковый словарь русского языка: в 4 томах 1: А–Кюрины*, под ред. Д. Н. Ушакова, Москва: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1935 (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/05/us177506.htm>).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1988** = Ю. Д. Апресян, Типы коммуникативной информации для толкового словаря, в: *Язык: система и функционирование*, Москва: [б. и.], 1988, 10–22 (<http://philology.ru/linguistics2/apresyan-88.htm>).
- Богуславский 1994** = В. М. Богуславский, *Словарь оценок внешности человека*, Москва: Космополис, 1994.
- Кабакова 2001** = Г. И. Кабакова, *Антропология женского тела в славянской традиции*, Москва: Ладомир, 2001.
- Кабакова 2012** = Г. И. Кабакова, Тело, в: *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 томах 5*, под ред. Н. И. Толстого, Москва: Международные отношения, 2012, 247–262.
- Крысин 1988** = Л. П. Крысин, Социальный компонент в семантике языковых единиц, в: *Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка*, Москва: [б. и.], 1988, 124–143.
- Леонтьева 2016** = Т. В. Леонтьева, Мотивационно-семантическое поле как совокупность языковых единиц с общим абстрактным смысловым компонентом-интерпретативом, *Научный диалог* 49 (2016), № 1, 43–58.
- Логический ... 2009** = *Логический анализ языка: ассерция и негация*, отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Москва: Индрик, 2009.
- Мазалова 2001** = Н. Е. Мазалова, *Человек в традиционных соматических представлениях русских*, Санкт-Петербург: «Петербургское востоковедение», 2001.
- Маклакова 2013** = Е. А. Маклакова, *Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименования лиц русского и английского языков): диссертация доктора филологических наук*, Воронеж, 2013.
- Падучева 2013** = Е. В. Падучева, *Русское отрицательное предложение*, Москва: Языки славянской культуры, 2013.
- Скляревская 2001** = Г. Н. Скляревская, Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы, *Исследования по славянским языкам* (Сеул) 6 (2001), 177–202.
- Стернин 1985** = И. А. Стернин, *Лексическое значение слова в речи*, Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

POVZETEK

Od dorodnyj dobryj molodec do dorodnaja tetka: sociokulturno preoblikovanje pomena v ruščini

Podatki v razlagalnih slovarjih ne dajejo dovolj informacij o pomenu nekaterih besed, ki so prikazane v sobesedilu in z dodatnimi odtenki, vključno z vrednotenjem. Analiza parametričnega pridevnika *dorodnyj* 'debel, močan' kaže, da je sčasoma prišlo do sociokulturnega preoblikovanja pomena v različnih diskurzih, vendar pa so te informacije razpršene po različnih slovarjih. Tako ni mogoče imeti celostnega pogleda na pomenskost besede v diahroniji. Študija poudarja važnost razvoja novih pristopov k slovarkemu opisu jezikovnih dejstev. Sodobne informacijske tehnologije omogočajo oblikovanje novih elektronskih slovaropisnih virov. Geslo v elektronskem slovarju lahko vsebuje zanesljive informacije o izvoru besede, o zgodovini njene rabe v različnih obdobjih in o njeni zastopnosti v različnih diskurzih, torej od njene pojavitve do sedanjosti.